

ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ «ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ»

И.М. Попова, Е.В. Любезная

Кафедра русской филологии, ГОУ ВПО «ТГТУ»

*Представлена профессором С.В. Пискуновой и
членом редколлегии профессором В.И. Коноваловым*

Ключевые слова и фразы: архетип; документальность; жанровый синтез; интертекст; элитность; эстетическая система.

Аннотация: Выявляется специфика художественного феномена в новейшей русской литературе «женской прозы» на примере творчества Т. Толстой, Л. Улицкой, В. Токаревой.

В статье обобщаются итоги научного исследования, охватывающего особый тип литературного творчества конца XX – начала XXI вв., который в научном обиходе получил название «женская проза». Речь идет о творчестве ярких талантливых писателей, представляющих отдельную сферу новейшей популярной словесности: Людмиле Петрушевской, Татьяне Толстой, Людмиле Улицкой, Марине Вишневской, Виктории Токаревой, Ольге Славниковой, Марине Палей, Галине Щербаковой, Нине Садур. Этот перечень может быть продолжен.* Нашу главную задачу мы видим в том, чтобы выявить важнейшие закономерности их художественных миров.

В отечественном и зарубежном литературоведении сформировались две фактически независимые традиции изучения феномена «женской прозы». Для первой характерно признание приоритета философско-аксиологического содержания (Н. Лейдерман, Л. Аннинский, П. Басинский). Вторую линию представляет совокупность работ, исследующих художественную специфику образной формы на хромотопическом, художественно-композиционном и повествовательном условиях (М. Энштейн, И. Скоропанова, Е. Любезная). В нашей работе предпринята попытка сопряжения обеих тенденций в процессе анализа современной словесности.

Исходя из признания единства и многообразия поэтических авторских концепций, мы считаем возможным говорить об особой системе эстетического мировосприятия применительно к «женской прозе» рубежа веков, образующей целостное культурное пространство, в которое входят произведения, «несущие и традиционную функцию нравственного воспитания, и эстетически эпатажную постмодернистскую... тенденцию» [1, с. 13]. Выделение «женской прозы» из общего массива современной литературы обусловлено сочетанием нескольких факторов:

* Изучением быстро меняющейся литературной ситуации XXI в., определением силовых линий, тенденций и перспектив развития «женской прозы» занимаются критики А. Немзер, А. Латынина, А. Марченко, А. Генис. Типы повествования в «женской прозе», имеющие свою специфику в литературных жанрах и синтезирующие не только видовые, но и родовые признаки, исследуются М. Энштейном, М. Чудаковой, М. Липовецким и др.

автор – женщина, центральная героиня – женщина, проблематика так или иначе связана с женской судьбой. Существенную роль играет и взгляд на мир с точки зрения женщины, с учетом женской психологии. По сути, в «женской прозе» происходят те же самые процессы, что и в остальной литературе, но эти процессы, направленные на поиск новых отношений в искусстве и авангардных приемов их фиксации, проявляются более ярко и оригинально. Можно согласиться с мнением О. Славниковой, что женщины-писатели практически всегда выступали первопроходцами в открытии нового эстетического содержания. Важнейшей особенностью «женской прозы» является то, что, находясь в русле классической традиции, современная «женская проза» предпринимает успешные попытки расширить границы традиционной поэтики. Одна из них – повышенная публицистичность стиля. Эссеизм становится главным признаком рассказов, повестей и романов Т. Толстой, Л. Улицкой, М. Вишневецкой, эссеистичность входит в традиционные жанры, образуя особые образования – авторские жанры. По сути, в «женской прозе» происходит контаминация художественного и публицистического. Например, Т. Толстая включает в сборники рассказов такие эссе и очерки, считая их художественной прозой, на самом деле – это все авторская проза.

Русская новейшая проза сродни эссе, путевым наброскам, очеркам, дневникам, в ней одновременно фиксируются «движения души и противоречивая работа мысли» [2, с. 17].

Другая характерная черта русской «женской прозы» – интертекстуальность, то есть обилие культурных отсылок, аллюзий, наполненных особой иронией, «сдержанной, остерегающей от губительного самомнения» [2, с. 17]. Для В. Токаревой, Л. Петрушевской, Т. Толстой, М. Вишневецкой особенно важен интертекст фольклора и библии с его архетипической основой.

Произведения писательниц, как правило, отличаются особой организацией сюжета, чаще всего по замкнутой модели, включают ретроспекцию, многоплановость, характеризуются открытой авторской позицией, сочетанием анализа и комментария описываемых событий, а также использованием разнообразных внесюжетных элементов и средств документальности, опирающихся на интертексты.

«Женская проза» игнорирует такую особенность массовой литературы, как нивелирование авторской точки зрения – она подчеркнуто индивидуальна, передает неповторимость языковой личности автора. Именно в этом заключается еще одна черта новейшей русской элитной литературы. Лучший представитель ее – Татьяна Толстая (1951 г.р.) – наиболее «литературный и фольклорный» мастер слова, использующий для описания современного мира самые различные интертекстуальные ассоциации, манера ее письма отличается метафористичностью стиля и неповторимой иронией. Своеобразие сборников рассказов Т. Толстой в том, что их маленькие шедевры составляют единый художественный мир. Рассказы объединены, прежде всего, интересом автора к необычному человеку. Для прозы Толстой характерно обращение к вечным проблемам, ее творчество ориентировано на понимание добра и зла в современном мире. Например, название сборника «Ночь» характеризует замысел цикла о кризисе духовности. Рассказ «Ночь» показывает мир глазами больного ребенка, считающего, что он «обмылок, шелуха, предназначенная к сожжению». «Ночь» для толстовского героя Алексея – это жизнь без Мамочки, среди чужих людей, которые «как волки»: «Маленький, маленький, одинокий, заблудился на улице, по ошибке пришел в этот мир!» [5, с. 127]. Десятки раз написанное ребенком слово «Ночь» звучит как приговор жестокому миру, где люди равнодушны друг к другу.

Произведения Татьяны Толстой повествуют о «детском» взгляде на мир, который полон чудес и несовершенств, который одновременно прекрасен и страшен и в котором всегда есть разлад «мечты и действительности». Татьяна Толстая посто-

янно пользуется приемами «эстетического спасения» своих героев: она или «заставляет» бежать их в замкнутый мир детства, или отгораживает их «от пошлой будничности». Причем если герои в реальной жизни не могут обрести счастья, то в художественном мире Толстая создает для них островки счастья.

Обыкновенный мир, в котором благостно существуют герои Толстой, – это или мир детства взрослого ребенка («На золотом крыльце сидели...», «Любишь – не любишь», «Свидание с птицей», «Петерс» и др.), или мир фантазий и мечтаний героя, повзрослевшего под воздействием тягот жизни («Река Оккервиль», «Соня», «Огонь и пыль», «Факир»).

Интересные взаимосвязи обнаруживаются в постановке проблем «разлада мечты и действительности», «утраченного рая», поисков смысла жизни «маленьким человеком» в произведениях Т. Толстой, Л. Улицкой, В. Токаревой.

Важным признаком организации повествования в «женской прозе» становится поток сознания, зачастую выступающий в качестве сюжетобразующей основы. Поток сознания, как подчеркивала М. Вишневецкая, – излюбленный прием, благодаря которому можно вольно, путем ассоциаций переноситься во времени и пространстве. Обычно поток сознания в «женской» прозе подчиняется выявлению той ситуации, которая передает состояние героини и соединяется с приемом воспоминания. Например, «Поминоение» М. Палей начинается с рассказа о ее детстве. Перед читателем сразу же возникают архетипические образы Дома и Дороги из снов, символизирующие прожитую героиней жизнь. Описания снов раздвигают время действия, а также служат одним из средств дополнительной характеристики героев. Наряду с воспоминаниями в них осмысливается прошлое или предвосхищается будущее. В романе О. Славниковой «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» (2000) «текст выстраивается как поток перетекающих друг в друга состояний» [3, с. 101].

Фактографичность, «жесткий реализм» нередко соединяются в «женской прозе» с тонким лиризмом, поэтому наиболее часто используются жанры социально-психологического, сентиментального повествования, романа-жизнеописания, рассказа, эссе, повести. Наиболее яркий пример – творчество Людмилы Улицкой (1943 г.р.), которая шла традиционным путем, от небольшой формы к более крупной. Рассказы у Улицкой объединяются в циклы, где действуют общие герои («Бедные родственники», «Девочки», «Новые рассказы»). В результате получился «роман» о трагических противоречиях жизни [6, с. 11].

Жанровая специфика сочинений Л. Улицкой зависит от широты обобщений, постановки круга вопросов. В своих рассказах автор идет от бытовых конфликтов к социальным, а затем – к общебытийным, всечеловеческим. У Людмилы Улицкой рассказы конкретны и локальны, посвящены важным вопросам. Общим в них является изображение неповторимой судьбы человека в мире.

Центральными персонажами почти всех произведений, за исключением «Казуса Кукоцкого», писательница делает женщину или молоденькую девушку. Она отходит от канонов официальной советской литературы и восстанавливает традицию изображения «маленького человека» как носителя гуманных идеалов.

Мифопоэтическое содержание является характерной особенностью прозы Л. Улицкой, для которой важны подтекст, внутренний смысл слова.

Писательница признавалась, что многие темы ее рассказов ставились ее предшественниками, а свою задачу она видит в том, чтобы представить только собственный взгляд на заявленную в произведении проблему (мотив преступления и наказания рассматривается в «Медее и ее детях», проблема без вины виноватого появляется в «Казусе Кукоцкого» и в цикле «Девочки»).

Создавая художественную картину мира, Л. Улицкая своеобразно выстраивает сюжет: он возникает как будто из непосредственных наблюдений над жизненными явлениями или характерами.

Ярко выраженный автобиографизм не свойствен Л. Улицкой, как, например, Т. Толстой, но ее рассказы «достаточно автобиографичны», поскольку это фантазии на тему «пережитых событий».

«Женская проза» сложна и многообразна, поскольку она несет новый духовный опыт, новое самосознание и мировидение, построенные на основе трагического социального опыта XX в. Писательницы напряженно ищут такие ценностные ориентиры и творческие методы, которые открыли бы возможность эстетически запечатлеть кризисное состояние мира рубежа веков. Суетности, жестокости, неверию, дисгармонии человеческой жизни в их произведениях противопоставлено библейское постоянство мира, а переключка мировых культур, открытость шуму времени ведет к пониманию истинного смысла бытия («На златом крыльце сидели...» и «Соня» Т. Толстой, «Девочки» Л. Улицкой).

«Страдания и бедствия для того и даются, чтобы вопрос «за что?» превратился в вопрос «для чего?». И тогда заканчиваются бесплодные попытки найти виновного, оправдать себя, получить доказательства собственной невинности ... потому что у Бога нет таких наказаний, которые бы обрушивались на невинных младенцев», – эта мысль характерна для произведений Людмилы Петрушевской, Татьяны Толстой, Людмилы Улицкой и других представителей женской прозы [4, с. 72].

Творчество В. Токаревой (1937 г.р.) представляет собой жанровое единство. В рассказах писательницы выделяются характерные принципы и приемы: говорящие детали, психологические пейзажи. Из их совокупности складывается общее представление и о проблематике, и о героях, и о своеобразии конфликтных ситуаций и путях их разрешения в «женской прозе».

Сборники повестей и рассказов Виктории Токаревой («Лавина» (1996); «Кошка на дороге» (1997); «Казино» (2000)) рассчитаны на «массового» читателя.

Основная проблема, поставленная в рассказах сборника «Казино», быстротечность времени, за короткий промежуток которого человеку нужно успеть понять, с каким «поручением» он послан в этот мир и, по возможности, выполнить его [7, с. 32].

В. Токарева затрагивает проблему падения духовности в современном обществе, связывая это с рядом причин: утратой морали, отсутствием религиозного фундамента, изменением роли женщины в семье, ее отношением к материнству, стремлением соответствовать образцам массовой культуры.

Антиномия «любовь – смерть», реализуемая в сборнике, способствует утверждению авторской мысли о том, что «если в сердце нет любви, человек мертв. Живым он только притворяется» [7, с. 54].

Особая роль отводится в «Казино» женщине как творцу, архитектору собственной жизни, как матери, жене, самому страдающему существу. Женщина, сохранившая высокие нравственные ценности, обретает трудное счастье.

Авторское начало проявляется в произведениях В. Токаревой в таких особенностях стиля, как ирония, афористичность, динамичность повествования, игра интертекстами, монтажная композиция.

Плюрализм мысли и формы, контаминация жанров, разномыслие и разноречие в пределах одной духовно-культурной палитры – вот что такое русская «женская проза» сегодня, поэтому она и стала ярким феноменом современного искусства.

Таким образом, феномен важного раздела современной литературы, именуемого «женской прозой», объясняется уникальным сочетанием своеобразного взгляда на мир с позиций фольклорных и библейских архетипов и «интеллигентности» стиля, включающего особый психологизм, метафорическую поэтичность и бытовую точность описаний.

Русские писательницы, как никто другой, сумели художественно запечатлеть суть духовных процессов, происходящих в современном кризисном мире.

Список литературы

1. Алексеева, Л.Ф. Литературная жизнь 1970–2000-х гг. / Л.Ф. Алексеева // История русской литературы XX в. В 4-х кн. – М., 2008. – Кн. 4. – С. 5–19.
 2. Генис, А. Беседы о новой словесности / А. Генис // Звезда. – 1997. – № 4. – С. 13–28.
 3. Нефагина, Г.Л. Русская проза конца XX в. : учеб. пособие / Г.Л. Нефагина. – М. : Флинта, 2003. – 320 с.
 4. Агеносов, В.В. Русская проза конца XX в. / В.В. Агеносов. – М. : Академия, 2005. – 420 с.
 5. Толстая, Т.Н. Ночь : рассказы / Т.Н. Толстая. – М. : Подкова, 2002. – 351 с.
 6. Улицкая, Л. Люди Нашего царя / Л. Улицкая. – М. : Эксмо, 2007. – 367 с.
 7. Токарева, В. Казино / В. Токарева. – М. : Вагриус, 2007. – 315 с.
-

Phenomenon of Present-Day Women Prose

I.M. Popova, E.V. Lyubeznaya

Department of Russian Philology, TSTU

Key words and phrases: archetype; documentary; esthetic system; elite; genre synthesis; intertext.

Abstract: The paper reveals specific features of art phenomenon in present-day Russian literature of women prose illustrated by work of T. Tolstaya, L. Ulitskaya and V. Tokareva.

Phänomen der modernen «weiblichen Prosa»

Zusammenfassung: Es wird die Besonderheit des künstlerischen Phänomens in der neuesten russischen Literatur der «weiblichen Prosa» auf dem Beispiel des Schaffens von T.Tolstoj, L.Ulitskaja, W.Tokareva gezeigt.

Phénomène de la prose féminine actuelle

Résumé: Est montrée la spécificité du phénomène d'art dans la plus actuelle littérature russe – «prose féminine» à l'exemple de l'oeuvre de T. Tolstaya, L. Oulitskaya, V. Tokareva.
